Мартов

ОБ ОДНОМ „шероховатом" ПОСТУПКЕ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦА20
М345

V 12

Ц А20
М345

Л. МАРТОВЪ.

АРХИВ
4-1517

Объ одномъ „недостойномъ“ поступкѣ.

(Отвѣтъ Ленину, Лядову и К°).

Гг. Горинъ и Лядовъ выступили съ печатнымъ обвиненіемъ меня въ „недостойномъ“ поступкѣ, выразившимся въ оклеветаніи Гусева. Н. Ленинъ, въ приложеніи къ своей новой брошюрѣ, солидаризируется съ этими лицами, протестуя противъ „посягательства на честь (?!) тов. Гусева“.

При благосклонномъ содѣйствіи Лениныхъ и Лядовыхъ, въ нѣкоторыхъ сферахъ нашей партіи всѣ понятія такъ перепутались, что человѣкъ, называющій гнусный поступокъ его собственнымъ именемъ, имѣетъ всѣ шансы быть осыпаннымъ со всѣхъ сторонъ оскорбленіями.

Начатый еще къ концу съѣзда партіи инсинуаціонный походъ нѣсколькихъ лицъ, составившихъ „дворъ“ Ленина, успѣлъ уже набросить тѣнь на моральную репутацію ряда товарищей. Рѣшительныя дѣйствія тов. Дейча привели къ тому, что одинъ изъ участниковъ этого похода былъ изобличенъ (или, точнѣе, изобличилъ себя) въ... поддѣлкѣ. Но клеветники не могли помириться съ этимъ, и изъ самого позорнаго разоблаченія своего протеже хотятъ сдѣлать исходную точку новыхъ клеветъ противъ своихъ противниковъ. Я принимаю этотъ вызовъ, подтверждаю все то, что говорилъ въ послѣсловіи къ отчету о дѣлѣ г. Гусева и предлагаю сему послѣднему или его покровителямъ потребовать меня къ третейскому суду, который рѣшилъ бы вопросъ: *„Имѣетъ ли Мартовъ формальное и моральное право утверждать, что ходившій на съѣздъ списокъ пяти кандидатовъ въ Ц. К., приписанный сначала меньшинству, а потомъ тов. Дейчу, былъ* **поддѣланъ** *Гусевымъ? Является ли поведеніе Мартова въ этомъ дѣлѣ недостойнымъ?“*

Я жду отвѣта на этотъ вызовъ, твердо рѣшившись довести до конца начатое мною и тов. Дейчемъ дѣло и убѣдить партію освободиться отъ той страшной опасности, которую представляетъ собой пріютившаяся въ нашихъ рядахъ „нечаевщина“. Сегодня „терпимость“ къ фальсификаторамъ, завтра — свободный доступъ Дегаевымъ: такова эта серьезная опасность, отъ которой партія должна себя оградить самыми рѣшительными мѣрами.

Въ ожиданіи отвѣта отъ заинтересованныхъ лицъ на сдѣланный мною вызовъ и въ пріятномъ предвкушеніи тѣхъ клеветъ и

3-й экз.

оскорбленій, которыя я заслужу своимъ „посягательствомъ на честь“ нѣкоторыхъ падшихъ ангеловъ, я прошу товарищей внимательно отнестись къ моему отвѣту на адвокатскія рѣчи въ защиту Гусева, сказанныя Ленинымъ, Лядовымъ и Горинымъ.

Итакъ, прежде всего: „Всякіе разговоры о „поддѣлкѣ“ списка, якобы въ цѣляхъ агитаціи противъ меньшинства, представляются просто на просто пустыми рѣчами“ (Лядовъ и Горинъ). Ленинъ совершенно обходитъ щекотливый вопросъ о томъ — имѣла ли мѣсто „поддѣлка“ или нѣтъ? Онъ ухитряется на цѣлыхъ четырехъ страницахъ пространно толковать о томъ, „отъ кого исходилъ“ злочастный списокъ, и ни разу не упомянуть о томъ, что третейскій судъ совершенно опредѣленно выяснилъ (добившись признанія отъ Гусева), что списокъ *написанъ этимъ послѣднимъ* и имъ же приписанъ Дейчу (а, слѣдовательно, и меньшинству) безъ всякаго на то основанія. Надо же имѣть дерзость, чтобы при этомъ выступать съ яснымъ лбомъ и пускаться въ изысканіе: „почему тов. Мартовъ глубоко возмущался приписываніемъ ему такого списка?“

„Пустыя рѣчи!“ Поддѣлка не установлена, судъ объ этомъ ничего не сказалъ. Да, вѣдь, суду этого вопроса никто и не ставилъ! Но судъ установилъ, что Дейчъ не давалъ и не могъ давать Гусеву этого списка, который этотъ послѣдній въ сообщеніяхъ товарищамъ приписалъ Дейчу и который, какъ самъ Гусевъ, въ концѣ концовъ, призналъ, *написанъ имъ, Гусевымъ*. Спрашивается, какъ принято называть написаніе кѣмъ нибудь бумаги и приписываніе ея этимъ самымъ лицомъ другому лицу? До сихъ поръ мы думали, что это дѣяніе именуется „поддѣлкой“. Гг. Горинъ и Лядовъ называютъ его „ошибкой при передачѣ фактовъ“. Людямъ свойственно ошибаться. Не завидую товарищамъ гг. Горина и Лядова, если ошибки этихъ джентельменовъ часто принимаютъ характеръ... „ошибокъ“ г. Гусева!

„Мы заявляемъ, говорятъ гг. Горинъ и Лядовъ, что, вообще, нелѣпо говорить о дурномъ умыслѣ по поводу такъ называемаго „подложнаго“ списка. Тов. Мартовъ заявилъ на съѣздѣ, что этотъ списокъ исходитъ не отъ него, и это заявленіе было сообщено передъ выборами всѣмъ 24 товарищамъ, участвовавшимъ въ частномъ засѣданіи большинства. Такимъ образомъ, всякіе разговоры о „поддѣлкѣ“ списка, якобы, въ цѣляхъ агитаціи противъ меньшинства, представляются просто на просто пустыми рѣчами“.

Вы думаете, господа? Итакъ, вамъ—на собраніи 24-хъ—было сообщено „мое“ заявленіе, что списокъ „не исходитъ отъ меня“, а Ленинъ (стр. 181) напоминаетъ, что имѣлъ со мной разговоръ „о непринадлежности списка ему, Мартову“. На самомъ дѣлѣ, я прямо и безъ оговорокъ заявилъ, что списокъ *не исходитъ отъ меньшинства*, и если Ленинъ на собраніи 24-хъ, куда онъ насъ не допустилъ, передалъ это мое сообщеніе, по словамъ Лядова и Горина, въ той формѣ, что списокъ не исходитъ отъ *меня лично*, то онъ умышленно извратилъ то, что его просили передать, что онъ и продолжалъ дѣлать послѣ того, какъ уполномоченные меньшинствомъ организаціи „Искры“ Старовѣръ и я въ письмѣ къ „большинству“ (см. „Шагъ впередъ“ стр. 59-60) заявили, что „якобы исходящій отъ насъ списокъ кандидатовъ“ былъ эксплуатируемъ „для неправильной характеристики всей нашей политической позиціи“. Ленинъ продолжаетъ дѣлать то же самое и теперь, когда, вопреки категорическимъ заявленіямъ

„меньшинства“, что списка оно и не видѣло, говоритъ о возможности, что „за эту комбинацію высказался на съѣздѣ кто либо изъ меньшинства организаціи Искры, впослѣдствіи забывшій объ этомъ“, и считаетъ это предположеніе „болѣе вѣроятнымъ“ (стр. 170). Не забудьте, что Ленинъ, какъ онъ самъ теперь подтверждаетъ, на съѣздѣ сказалъ, что моего заявленія ему достаточно, чтобы не приписывать поддѣланнаго, какъ нынѣ выяснилось, списка мнѣ (на самомъ дѣлѣ онъ *тогда* предо мной взялъ назадъ приписаніе его, вообще, „меньшинству“); не забудьте, что въ тотъ же день, вечеромъ, Ленинъ, на собраніи 24, читалъ заявленіе мое и Старовѣра, которые, отъ имени меньшинства, объявляли, что приписанный имъ списокъ съ „меньшинствомъ“ ничего общаго не имѣетъ, что черезъ нѣкоторое время, на съѣздѣ Лиги, я опять заявилъ, что этотъ списокъ былъ „фальшивый“*). А спустя два мѣсяца послѣ съѣзда Лиги, фактотумъ Ленина, Павловичъ, выступаетъ съ брошюрой, въ которой заявляетъ (стр. 12): „среди делегатовъ на съѣздѣ циркулировалъ списокъ, составленный изъ излюбленныхъ лицъ меньшинства... Т. Мартовъ въ то время еще находилъ этотъ списокъ „позорнымъ“, а на съѣздѣ Лиги утверждалъ, что этотъ списокъ фальшивый. Фактъ тотъ, что тов. Дейчъ является въ дѣлѣ этого списка первоисточникомъ. Онъ передалъ его одному изъ делегатовъ большинства, тов. Гусеву. Пусть Дейчъ съ Мартовымъ разрѣшаютъ между собой вопросъ, почему онъ оказался фальшивымъ. Въ этомъ спискѣ были: Штейнъ, Егоровъ, Поповъ, Троцкій. Ѳоминъ“.

Несчастный не зналъ, что Дейчу не надо будетъ столковываться съ Мартовымъ, чтобы, при помощи третейскаго суда, неопровержимо установить: почему списокъ оказался фальшивымъ? Потому, что Гусевъ его написалъ и лживо приписалъ Дейчу, а вы съ Ленинымъ, Лядовымъ, Гориннымъ, когда отъ васъ на съѣздѣ же требовали, чтобы вы указали: гдѣ вы достали такой списокъ? — вы говорили, — что не помните, и никто не отослалъ насъ къ Гусеву. А когда мы заявили вамъ, что списокъ не исходитъ отъ насъ, вы не имѣли мужества и порядочности, чтобы опровергнуть наше заявленіе и противопоставить намъ вашего достовѣрнаго лжесвидѣтеля, но послѣ того упорно, время отъ времени, стараетесь приписать этотъ списокъ намъ! Почему вы это дѣлаете теперь? Не потому ли, что этотъ фальшивый списокъ былъ *нуженъ вамъ* въ то время, и вы, не допуская насъ на собраніе 24 и „успокаивая“ тамъ, что вы принимаете къ свѣдѣнію наше опроверженіе, — *на дѣлѣ* продолжали вести агитацію среди извѣстной части делегатовъ при помощи *этого самого, завѣдомо для васъ* опровергнутаго, *списка?* Не потому-ли вы теперь еще *не смѣете* заявить разъ на всегда, что категорическаго заявленія „меньшинства“ о томъ, что подобнаго списка среди него не обращалось, достаточно для того, чтобы устранить разговоръ о немъ? Не потому ли и Павловичъ, и Ленинъ, и Лядовъ съ Гориннымъ все еще придумываютъ, какъ „могъ“ возникнуть въ „меньшинствѣ“ этотъ никогда не возникавшій въ немъ списокъ? Не успокаиваете ли вы этими адвокатскими изворотами возмущенную совѣсть тѣхъ изъ 24-хъ, которые *хорошо знаютъ*, что поддѣльный списокъ сыгралъ свою роль въ агитаціи?

*) Я это сдѣлалъ *только* потому, что Ленинъ въ своемъ докладѣ на съѣздѣ Лиги снова напомнилъ объ этомъ эпизодѣ.

О! я знаю—на меня посыпятся новые громы негодованія за эти слова. Заявить, что списокъ былъ поддѣланъ въ интересахъ „избирательной агитаціи“! Это ужасно! Теперь Ленинъ (стр. 172) прямо заявляетъ: „вопросъ о принадлежности тов. Мартову и тов. Дейчу извѣстнаго списка никакого политическаго значенія имѣть не могъ“. Въ самомъ дѣлѣ? А какъ понять слѣдующія слова одного свидѣтеля съѣзда? „Послѣ собранія 16-ти, когда искровцы окончательно разошлись и война между ними была объявлена, начинаются собранія 2 партій, на которыя раскололся съѣздъ... Искровцы послѣдовательной линіи собираются сначала въ числѣ 9, потомъ 15, наконецъ, 24... Такой быстрый *ростъ объясняется тѣмъ, что списки Ц. К. стали уже ходить, и списки мартовцевъ отталкивали громадное большинство искровцевъ сразу о безповоротно, какъ списки дряблые: кандидаты, проводимые Мартовымъ, характеризовали себя на съѣздѣ съ безусловно отрицательной стороны (вилляніе, невыдержанность, безтактность* etc). Это, во 1-хъ, а во 2-хъ, разъясненіе искрякамъ того, что происходило въ организаціи „Искры“, привлекало ихъ въ массѣ случаевъ на сторону большинства, и неумѣніе Мартова выдержать опредѣленную политическую линію выяснялось для всѣхъ и каждаго“. Это искреннее свидѣтельское показаніе заключаетъ въ себѣ убійственное обвиненіе противъ Ленина, Гусева и Ко. Оно, какъ я дальше укажу, прямо показываетъ, *въ чемъ суть дѣла о поддѣланномъ спискѣ*, и оно, это свидѣтельское показаніе, не можетъ быть оспорено Ленинымъ, ибо оно *принадлежитъ самому-же Ленину*. Я его взялъ изъ извѣстнаго „подпольнаго“ произведенія Ленина—того злостнаго памфлета, который онъ написалъ немедленно послѣ съѣзда и употреблялъ для агитаціи противъ „мартовцевъ“, принимая тщательныя мѣры къ тому, чтобы полное фактической неправды посланіе не попало въ руки этихъ самыхъ „мартовцевъ“. Теперь, когда на вызовъ тов. Дана, Ленинъ заявилъ, наконецъ (рѣшился черезъ четыре мѣсяца!), что разрѣшаетъ пользоваться этимъ безсмертнымъ произведеніемъ, я могу поискать въ немъ матеріаловъ для рѣшенія вопроса о томъ, „кто былъ первый лжедимитрій“, виноватъ, *кому нуженъ* былъ списокъ, внезапно появившійся, столь же внезапно исчезнувшій, „исходившій отъ „меньшинства“ и въ то же время не исходившій отъ него, имѣвшій своимъ „первоисточникомъ“ Л. Г. Дейча и въ то же время неизвѣстный этому самому Дейчу; написанный, какъ признаетъ Гусевъ, самимъ Гусевымъ, и въ то же время, какъ предполагаетъ Ленинъ (стр. 171), вовсе не имъ написанный, а „высказанный“ кѣмъ-либо изъ „неизвѣстныхъ меньшинству организаціи Искры делегатовъ партійнаго меньшинства“ и „въ устномъ и письменномъ видѣ пошедшій гулять по съѣзду“?

Итакъ, вниманіе, тов. Ленинъ! Въ вашемъ „подпольномъ“ письмѣ сообщается, что ваша агитація, завоевавшая вамъ 24 голоса, потому была успѣшна, что вы разсказывали „искрякамъ“ о томъ, что происходило на засѣданіяхъ орг. „Искры“ и что вамъ помогли „начавшіе ходить списки“ нашихъ кандидатовъ. Прекрасно. Но что вы могли разсказать о дебатахъ на засѣданіяхъ организаціи „Искры“? Надо полагать—то самое, что вы о нихъ разсказали позднѣе трижды въ печати: то есть, между прочимъ, и то, что „мартовцы“ предлагали вамъ сойтись на спискѣ: Травинскій, Глѣбовъ (твердые), Троцкій, Ѳоминъ, Поповъ (мягкіе) или на спискѣ Троцкій, Поповъ Глѣбовъ. Это были два един-

ственныхъ „списка“, которые мы вамъ предлагали, если условиться называть „спискомъ“ не матеріальный списокъ, а перечень именъ. *) Итакъ, это было главное изъ содержанія дебатовъ на засѣданіи „Искры“, что вы могли передать не бывшимъ на этомъ засѣданіи „искрякамъ“. Вы говорите, что это сообщеніе само по себѣ пригодилось вамъ для собиранія вокругъ себя большинства въ 24 голоса. Но одного его было мало. На выручку пришли „начавшіе уже ходить“ *послѣ засѣданія 16-ти* списки „мартовскихъ“ кандидатовъ въ Ц. К. Какіе же это списки, тов. Ленинъ? Кромѣ упомянутыхъ выше двухъ перечней, предложенныхъ нами на послѣднемъ собраніи „Искры“, и Горинъ и Лядовъ сообщаютъ только о „такъ называемомъ боевомъ спискѣ изъ тов. Ѳомина, Попова и Троцкаго“. Но такого списка *никогда не существовало* и *даже не было поддѣлано*, и заявленіе гг. Горина и Лядова представляетъ повтореніе того же „недоразумѣнія“, которое уже приключилось съ Гусевымъ. Повторяю: утвержденіе о существованіи такого списка представляетъ новую неправду. Болѣе полугода прошло послѣ съѣзда, — ни у Павловича, ни въ показаніяхъ свидѣтелей на третейскомъ судѣ о подобномъ спискѣ *не сказано ни слова*. Павловичъ говоритъ прямо: „среди делегатовъ циркулировалъ *списокъ*, составленный изъ излюбленныхъ лицъ меньшинства“; единственное число исключаетъ мысль о двухъ спискахъ, ходившихъ въ одно и то же время. Итакъ, такъ называемый „боевой списокъ“ трехъ выдуманъ Гориным и Лядовымъ ad hoc, чтобы замѣнить имъ тотъ „боевой“ списокъ пяти, который *за насъ* въ свое время написалъ Гусевъ: почтенной кампаніи необходимо, чтобы былъ у насъ „боевой списокъ“, ибо, какъ явствуетъ изъ показаній Ленина, „боевой списокъ“ изъ непопулярныхъ въ „большинствѣ“ *кандидатовъ служилъ Ленину главнымъ орудіемъ въ агитаціи противъ меньшинства, приведшей къ образованію „компактнаго большинства“ 24-хъ*. Da ist der Hund begraben, и отъ этого вывода изъ ясныхъ фактовъ не отвертеться почтенной компаніи. Мы не пускались въ агитацію ни съ какимъ „боевымъ спискомъ“ исключительно „своихъ“ кандидатовъ, потому что не считали возможнымъ создавать партійные центры, опирающіеся на незначительное большинство; оба „списка“, которые мы предлагали на засѣданіи „Искры“, представляли не „боевые“, а „компромиссные“ списки, которые могли бы объединить всѣхъ „искровцевъ“. Потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ соглашенія, мы не пустились въ агитацію среди членовъ, стоявшихъ внѣ организаціи „Искры“, и никакихъ „своихъ“ списковъ никому не предлагали. Это—фактъ, подтвержденный и данными третейскаго суда. И такой же фактъ то, что появился на свѣтѣ „боевой“ списокъ, въ которомъ оказались имена тѣхъ самыхъ делегатовъ (Егоровъ и Штейнъ), которыхъ мы не вписывали ни въ одинъ изъ предлагавшихся нами списковъ **), потому что знали,

*) Я потому и сказалъ, что другихъ нашихъ „списковъ“, кромѣ поддѣланнаго Гусевымъ, не ходило по рукамъ, что до сихъ поръ привыкъ понимать слово „списокъ“ въ буквальномъ смыслѣ. Не успѣвъ на собраніи „Искры“ столковаться съ большинствомъ, *мы не вели никакой агитаціи* за предѣлами этой организаціи и не пускали никакихъ списковъ.

**) Вопросъ о томъ, было ли въ спискѣ имя бундовца, остается для меня не выясненнымъ. Списка, какъ извѣстно, никто изъ

что эти имена дѣлаютъ невозможнымъ соглашеніе съ „ленинцами“. Появился „боевой списокъ“, и всѣ попытки опровергнуть его происхожденіе отъ насъ потерпѣли неудачу, и даже послѣ дѣла Гусева, Ленинъ, Лядовъ и Горинъ все еще пытаются навязать его намъ. А Ленинъ въ „подпольномъ“ посланіи признаетъ, что, *наряду* съ передачей нашихъ переговоровъ на засѣданіяхъ „Искры“, т. е. и съ упомянутыми выше двумя „компромиссными“ списками, которые мы предлагали, ему въ агитаціи противъ насъ среди 24-хъ помогли „ходившіе (при посредствѣ Гусевыхъ) списки кандидатовъ въ Ц. К.“, Павловичъ-же поясняетъ klipp und klar, что эти „списки“ были тѣмъ самымъ спискомъ, который, какъ выяснено третейскимъ судомъ, написалъ Гусевъ. Ясно въ чемъ дѣло? Люди, потерявъ надежду столковаться съ Ленинымъ, складываютъ руки, а за ихъ спиной Ленинъ пускаетъ въ ходъ, какъ якобы имъ принадлежащій, списокъ съ 2 именами, которыми можно пугать ребятъ. И этотъ списокъ позволяетъ Ленину добиться „сплоченнаго большинства“, убѣжденнаго, что съ „мартовцами“ нельзя сойтись, ибо они надѣются, *при помощи Рабочаго Дѣла и Бунда*, провести списокъ изъ пяти „своихъ“, со включеніемъ двухъ товарищей, встрѣчающихъ особенную оппозицію нѣсколькихъ лидеровъ съѣзда! Не ясно ли, что боевой списокъ былъ „нуженъ“, чтобы *не допустить „мартовцевъ“ столковаться* съ „24-мя“, убѣдивъ послѣднихъ въ „непримиримости“ „мартовцевъ“, якобы намѣренныхъ лучше побѣдить, съ помощью „правой“ съѣзда, чѣмъ отказаться отъ одного изъ своихъ „излюбленныхъ людей“? Не ясно ли, почему Ленину и К° *не удобно* разъ на всегда честно признать, что „боевого списка“ не существовало?

Вмѣсто этого, предпочитаютъ устами Ленина доказывать, что такой списокъ могъ быть. Прелюбопытно это разсужденіе Ленина (стр. 170): „Нѣтъ ровно ничего удивительнаго въ томъ, что... среди возможныхъ комбинаціи и списковъ возникъ, наряду со спискомъ меньшинства организаціи „Искры“ (Поповъ, Троцкій, Ѳоминъ, Глѣбовъ, Травинскій) *не очень отличающійся отъ него списокъ* (курсивъ мой): Поповъ, Троцкій, Ѳоминъ, Штейнъ, Егоровъ. Возникновеніе такой комбинаціи кандидатовъ въ высшей степени естественно, потому что наши кандидаты Глѣбовъ и Травинскій завѣдомо не нравились меньшинству организаціи „Искры“... Замѣна Глѣбова и Травинскаго членами О. К. Штейномъ и Егоровымъ была совершенно натуральна, *и было бы странно*, если бы никому изъ делегатовъ партійнаго меньшинства не пришла въ голову идея такой замѣны“. Достатачно прочитать эту тираду, чтобы увидѣть, какъ плохи дѣла попавшейся

насъ не видалъ. Тов. Дейчъ, сообщая намъ, со словъ Ленскаго, что ходитъ приписываемый намъ списокъ, вынесъ изъ разпросовъ делегатовъ такое впечатлѣніе, что толкуютъ о спискѣ съ бундовцемъ. Я слышалъ то же самое. Тов. Саблиной я тогда же заявилъ, что „поддѣлали списокъ, включающій имя бундиста“ (если не ошибаюсь, члена О. К. Абрамсона). Тоже я заявилъ и на съѣздѣ Лиги, и меня никто не опровергъ. Допускаю, что бундовца не было и что наши свѣдѣнія, полученныя не изъ первыхъ рукъ, были не точны. Хотя, послѣ всего происшедшаго, я лично теперь допускаю, что на всякій случай Гусевъ написалъ за Дейча два списка—съ бундистомъ и безъ онаго. Было бы горячо!

компаніи. „Мартовцы“ предлагаютъ списокъ двухъ твердыхъ и трехъ „своихъ“, изъ которыхъ двое (Поповъ и Троцій) принимаются и „твердыми“. Расхожденіе происходитъ по поводу третьяго „мягкаго“—Фомина. Такова реальность. А вотъ фантазія: представимъ себѣ, что оба твердыхъ замѣнены однимъ наименѣе популярнымъ въ „твердомъ“ лагерѣ членомъ О. К. (Штейнъ) и однимъ явно враждебнымъ ленинцамъ, вождемъ „болота“ (Егоровъ) —получимъ списокъ „не очень много отличающійся“ отъ реальнаго! Эти безподобныя слова „не очень много“, въ примѣненіи къ такой „перестановкѣ“, которая равносильна *полному извращенію политическаго смысла* реальнаго списка, — эти безподобныя слова съ головой выдаютъ запутавшагося адвоката. У насъ былъ—худо-ли, хорошо-ли—компромиссный списокъ, въ который вошли два кандидата Ленина, два допускавшихся имъ нашихъ кандидата и всего одинъ непріемлемый для него кандидатъ. Замѣнимъ первыхъ двухъ — двумя абсолютно для него непріемлемыми, изъ нихъ—однимъ, непріемлемымъ и для „мартовцевъ“ *) (Егорова), и... мы получимъ „совершенно натуральную замѣну“... „было бы странно“, еслибъ никому изъ меньшинства „не пришла въ голову идея такой замѣны“. Недогадливое меньшинство! Гусевъ оказался догадливѣе... А Павловичъ получилъ возможность говорить о спискѣ пяти „излюбленныхъ“ меньшинства, въ то время, какъ именами этихъ „излюбленныхъ“ (предварительно оклеветанныхъ) пользовались, чтобы *извратить политическую позицію искровскаго меньшинства, представляя ее, какъ политику разрыва во что бы то ни стало съ „ленинцами“, хотя бы цѣной союза съ „правой“ съѣзда*. **)

*) Что Егоровъ *въ то время* не могъ быть нашимъ кандидатомъ, это въ другомъ мѣстѣ (стр. 169) прямо признаетъ Ленинъ, что не мѣшаетъ ему на стр. 171 забыть объ этихъ своихъ словахъ.

**) Теперь читателю должно быть понятно, почему Ленинъ и Павловичъ такъ особенно подчеркиваютъ одинъ эпизодъ на „собраніи 16“ (4-ое засѣданіе организаціи „Искры“)? Ленинъ предложилъ списокъ 5 кандидатовъ въ Ц. К., составленный изъ Глѣбова, Травинскаго, Васильева+Поповъ и Троцкій. Голосованіе дало 11 за (т. е. 2 „мягкихъ“ голосовали за списокъ), 4 *воздержались*, одинъ Мартовъ—противъ. Казалось-бы, соглашеніе почти достигнуто?.. Но и Ленинъ, и Павловичъ стараются показать, что я „сорвалъ“ уже почти состоявшееся соглашеніе. „Это былъ голосъ тов. Мартова. И этого голоса было достаточно, чтобы соглашенія между большинствомъ членовъ организаціи „Искры“ и меньшинствомъ не состоялось“ (Павловичъ стр. 14). Какъ это, спроситъ читатель, *одного* голоса Мартова было достаточно для „срыванія“ соглашенія? Какъ видно, Мартовъ именно игралъ роль „сверхъ-центра“? На самомъ дѣлѣ, все это злостная ложь. Подавъ, согласно своимъ убѣжденіямъ, голосъ противъ списка, я какъ и всѣ „мягкіе“, не опротестовалъ сказанныхъ послѣ этого предсѣдателемъ собранія, тов. Глѣбовымъ, словъ: „Я вижу, мы можемъ столковаться“, которыми онъ и закрылъ собраніе, несмотря на то, что тов. Троцкій, воздержавшійся при голосованіи упомянутаго списка, заявилъ: „въ такой Ц. К. я не войду“. Это заявленіе Троцкаго, какъ и мой рѣшительно-отрицательный вотъ противъ списка, объясняются не тѣмъ, что, какъ стараются теперь представить, мы якобы хотѣли имѣть въ Ц. К. „свое боль-

Вотъ какіе слухи мы назвали „позорящими“ насъ, вотъ противъ чего мы протестовали, вотъ отъ какихъ инсинуацій хотѣли оправдаться на собраніи 24-хъ. Мы, сторонники партійнаго единства прежде всего, считали позорной приписывавшуюся намъ роль группы, намѣренно разрывавшей естественно сложившееся въ партіи организаціонное ядро, не испробовавъ всѣхъ средствъ соглашенія. Мы считали ее позорной потому, что естественный видъ эта намъ приписанная роль могла принимать лишь постольку, поскольку вѣрили, что мы готовы на коалицію съ бундовцами (намъ это прямо говорилось) въ то самое время, когда бундовцы ставили ультиматумъ партіи! И мы видѣли, что для приданія вѣроятія этой клеветѣ пущенъ въ ходъ—безъ попытки провѣритъ — „боевой списокъ“, долженствующій иллюстривать эту мнимо-агрессивную роль, приписанную намъ! Какъ могли мы назвать это поведеніе иначе, какъ не „распространеніемъ позорящихъ слуховъ“?

И вотъ теперь, это слово „позорящіе слухи“ эксплуатируется

шинство“, а тѣмъ, что—какъ я и указывалъ на собраніяхъ—мы считали *непозволительнымъ* введеніе въ составъ Ц. К. такого дѣятеля, какъ *тов. Васильевъ*, проявившій и въ организаціи „Искры“, и въ Орг. Ком., откуда ему пришлось удалиться, полную политическую неспособность. Я потому позволяю себѣ громко высказать это *теперь*, не боясь оскорбить скромности этого „вождя“, что съ тѣхъ поръ тов. Васильевъ (см. эпизодъ съ Лигой) блистательно оправдалъ приписывавшіяся ему мною свойства и оскандалилъ партію, выбиравшую его по знаку Ленина, который цѣнилъ въ немъ „вѣрнаго человѣка“. Мы готовы были на любую комбинацію въ Ц. К., которая включила бы въ себя дѣйствительныхъ практиковъ и дѣйствительныхъ кандидатовъ въ руководители партіи, и не наша вина, если у Ленина про запасъ на эти роли было не больше *одного лица* изъ числа достаточно авторитетныхъ въ партіи дѣятелей, чтобы быть на ея съѣздѣ!

Какъ указано, послѣ засѣданія 16-ти, мы должны были ожидать, что будутъ продолкаться разговоры о соглашеніи, не состоявшемся, не въ силу моего голоса противъ, а силу того, что Троцкій счелъ для себя постыднымъ входить въ Ц. К. рядомъ съ той фикціей, которую, въ качествѣ „руководителя“, представлялъ собой тов. Васильевъ. Но продолженія переговоровъ не послѣдовало, а на слѣдующій день мы узнали, что Ленинъ (не предупредивъ насъ) ведетъ агитацію въ пользу необходимости не пустить въ редакцію Ц. О. Засуличъ, Старовѣра и Аксельрода, а еще днемъ позже намъ сообщили и о состоявшемъ нашемъ „союзѣ“ съ „бундистами и рабочедѣльцами“, признакомъ котораго служилъ нынѣ благопріятно установленный, въ качествѣ фальшиваго, списокъ, и эти два факта сразу сдѣлали невозможнымъ продолженіе *прежнихъ* переговоровъ, такъ какъ вопросъ былъ уже вынесенъ на „собраніе 24 хъ“. Мы отвѣтили на этотъ „новый фактъ“ цитируемымъ у Ленина письмомъ, за подписью моей и Старовѣра, но отвѣта на свое письмо не получили отъ „24-хъ“. Изъ всего сказаннаго еще разъ слѣдуетъ, что пресловутый списокъ сыгралъ свою роль въ полномъ разрывѣ между „твердыми“ и „мягкими“, а показаніями тт. Плеханова и Ленскаго на судѣ установлено, что распространялъ этотъ списокъ *именно* Ленинъ, и именно для агитаціи.

для того, чтобы сначала Павловичъ, потомъ Горинъ и Лядовъ и, наконецъ, достойный всѣхъ ихъ и Гусева вмѣстѣ, отецъ всего этого разврата — Ленинъ съ мѣднымъ лбомъ пустили въ печать новую инсинуацію, имѣющую цѣлью бросить грязью въ незапятнанное имя товарища, который съ самаго начала отстранился отъ всякой избирательной агитаціи, который ничего не искалъ у всѣхъ этихъ твердыхъ и твердолобыхъ, который удивлялся, какъ могли подумать выбирать его, когда онъ умышленно всталъ въ сторонѣ отъ борющихся по вопросу о центрахъ? Я говорю о тов. Егоровѣ, котораго эти доблестные попустители и укрыватели гусевской „замѣны“ пытаются замарать, ставя намъ іезуитскіе вопросы: „почему тов. Мартовъ глубоко возмущался приписываніемъ ему такого списка?“ (Ленинъ) и утверждая: Мартовъ „считалъ этотъ списокъ для себя позорнымъ“ (Павловичъ) или: „именно этотъ списокъ тов. Мартовъ считалъ позорнымъ для себя“; „пусть Мартовъ попробуетъ разсказать публично, почему это имя тов. Егорова могло повредить меньшинству?“ (Горинъ и Лядовъ) Извольте, господа, извольте, я готовъ удовлетворить ваше любопытство. Имя тов. Егорова, какъ и имя тов. Штейна, могло „повредить меньшинству“ въ его попыткахъ объединенія значительнаго большинства съѣзда, потому что Егоровъ своимъ выступленіемъ противъ лидеровъ „Искры“, а тов. Штейнъ тѣмъ, что „сказалъ напротивъ“ нашему Швейцеру, пріобрѣли себѣ величайшую непопулярность въ глазахъ многихъ терроризированныхъ делегатовъ. Когда передъ нами сталъ ребромъ вопросъ о возможномъ расколѣ въ партіи, мы считали себя обязанными оставить въ сторонѣ вопросъ о несправедливо поврежденныхъ политическихъ репутаціяхъ и не давать Ленинымъ никакого удобнаго случая для закулисной игры на этой непопулярности. Да это и было прямо *обязательно* для насъ, потому что тов. Штейнъ съ самаго начала заявилъ, что не допускаетъ постановки своей кандидатуры въ Ц. К., а тов. Егоровъ явно показалъ намъ, что не желаетъ фигурировать въ пассивной роли кандидата въ той борьбѣ, въ которой онъ активнаго участія не могъ принять, не сойдясь ни съ одной группой. И вотъ теперь гг. Павловичъ и К° инсинуируютъ относительно того, что и для „мартовцевъ“ - де имя Егорова было „позорнымъ“. Дѣйствительно, это уже слишкомъ. — Это продолженіе все той же безчестной кампаніи инсинуацій и намековъ, бросаемыхъ въ разныя стороны по принципу: calomniez, il en restera toujours! Съ т. Егоровымъ мы разстались на съѣздѣ болѣе, чѣмъ не солидарными, мы считали многіе его шаги неправильными, а онъ относился къ многимъ нашимъ шагамъ съ такимъ же отрицаніемъ; и, наконецъ, я лично считалъ бы его кандидатуру въ Ц. К. (по крайней мѣрѣ, въ избираемое на съѣздѣ ядро Ц. К.), неудобной, такъ какъ на мой взглядъ, для *этой* роли ему, литератору по натурѣ, недостаетъ нѣкоторыхъ необходимыхъ качествъ „практика“-организатора. Но это расхожденіе ни на одну минуту не могло поколебать того уваженія къ Егорову, которымъ этотъ товарищъ, оказавшій партіи значительныя услуги, пользуется въ глазахъ всѣхъ, знающихъ внутреннюю исторію своей партіи. А, между тѣмъ, долгая и связанная со многими жертвами работа Егорова въ соціалъ-демократіи не можетъ гарантировать его имя отъ оклеветанія, достигаемаго гнусными намеками всякихъ Павловичей и Лядовыхъ, которые пользуются неизбѣжнымъ выступленіемъ практиковъ подъ псевдонимами, чтобы безнаказанно пришпиливать

эпитеты „позорный“ къ безупречнымъ именамъ! Достойные защитники Гусева!

Нужно ли подводить итоги? Я еще разъ приглашаю тѣхъ, чью честь (?) я затронулъ, вызвать меня на третейскій судъ. Я еще разъ заявляю, что считаю дѣломъ чести и своимъ политическимъ долгомъ утверждать, что Гусевымъ сдѣлано, а Ленинымъ, Лядовымъ и Гориным защищается нечестное, недопустимое въ партіи дѣло. Еще разъ я заявляю, что сознаю тяжесть поднятаго мною обвиненія и принимаю всю отвѣтственность за него. Не политическіе счеты я здѣсь свожу. Стремясь къ возстановленію партійнаго единства, я знаю, какой помѣхой ему является развратъ, внесенный во взаимныя отношенія членовъ партіи нечестными поступками отдѣльныхъ лицъ и глупымъ неразборчивымъ стремленіемъ „единомышленниковъ“ этихъ единицъ взять ихъ подъ свою защиту во что бы то ни стало. Эта помѣха должна быть устранена, язва „нечаевщины“ должна быть вырѣзана изъ партійнаг организма. И я могу закончить свою самозащиту (защиту противъ обвиненія въ „посягательствѣ на честь Гусева“) письмомъ, которое я получилъ отъ одного изъ членовъ партійнаго *большинства*, хорошо извѣстнаго въ партіи. Пусть это письмо напомнитъ гг. Гориным и Лядовымъ, что даже въ смутное время, какое мы переживаемъ, невозможно сдѣлать черпаго бѣлымъ. Пусть оно покажетъ всѣмъ членамъ нашей партіи, что за „нечаевское“ отношеніе къ вопросамъ партійной морали не отвѣчаетъ никакое опредѣленное *политическое* направленіе въ нашей партіи!

Вотъ это письмо:

Уваж. тов.! Неужели опубликованіе тайнаго документа, какъ „Четвертое лицо въ третейскомъ судѣ“, подписанное „делегатами второго съѣзда, тт. Гориным и Лядовымъ, является уже чѣмъ-то обычнымъ, ординарнымъ въ нашей маленькой партіи, чѣмъ-то такимъ мимо, чего можно пройти молча? Въ № 63 „Искры“ я не нашелъ ни слова по поводу этого документа, отличающагося, по моему, *исключительной* „небрежностью и неразборчивостью“ не только въ словахъ, но и въ самыхъ элементарныхъ понятіяхъ (даже связанныхъ *съ этическими принципами*, о которыхъ приходится говорить именно потому, что ихъ не всегда „соблюдаютъ“). Не раздалось до сихъ поръ ни одного голоса по этому поводу и изъ стороны „большинства“ партіи. Можетъ быть, поэтому Вы найдете полезнымъ опубликовать эти строки.

Мы („большинство“) такъ много говоримъ о престижѣ нашей партіи, о дисциплинѣ и въ то же время можемъ споконо читать тѣ документы, въ которыхъ наши же ближайшіе товарищи *публично* спрашиваютъ, „какое именно учрежденіе поручило Мартову опубликовать протоколы суда и кто поручится за ихъ точность“, — спрашиваютъ, какъ-будто въ этихъ самыхъ протоколахъ не указано, съ какой цѣлью судъ сообщилъ настоящую резолюцію редакціи „Искры“.—какъ-будто они не видѣли примѣчанія на послѣдней страницѣ № 62, по которому ясно видно, съ вѣдома кого печатаются протоколы, кто ручается за ихъ точность. Что это? Лицемѣріе? Быть можетъ, такимъ образомъ „делегаты второго съѣзда“ думаютъ поддержать престижъ партіи!? Нѣтъ! Тысячу разъ правъ тов. Мартовъ, когда говорилъ о не-

обходимости „оздоровленія атмосферы“, и товарищи, выдумавшіе „четвертое лицо“, еще разъ прекрасно демонстрировали это.

Тов. Гусевъ не „поддѣлалъ“ документа (развѣ можно идти дальше рѣшеній суда?!) Онъ только *для чего-то* записалъ произнесенныя *кѣмъ-то съ неизвѣстною для него цѣлью* имена и списокъ этотъ *съ неизвѣстною для насъ цѣлью* передалъ сосѣдямъ. Онъ потрудился передать, но не потрудился возстановить *дѣйствительное* значеніе этой записки и его *дѣйствительный* источникъ, когда записку эту *начали приписывать* меньшинству, принимая ее за списокъ кандидатомъ въ Ц. К. Затѣмъ онъ, по ошибкѣ, связалъ съ этимъ спискомъ, оказавшимся такимъ образомъ фальшивымъ, имя товарища Дейча, сознавая, что онъ такимъ образомъ „вредитъ политической репутаціи послѣдняго“.

Товарищъ не дѣлалъ подлога (о, нѣтъ!), онъ не клеветалъ, только передалъ все, что указано въ протоколахъ, и ничего больше. Онъ даже былъ настолько благороденъ, что цѣлые мѣсяцы воздерживался отъ поврежденія репутаціи товарища. Когда же онъ рѣшился повредить оную, онъ уже успѣлъ кое-что забыть, перепутать и назвалъ совершенно непричастнаго человѣка.

Не содержаніе списка онъ забылъ, — о, нѣтъ! Списокъ онъ помнитъ, цѣликомъ,—онъ очень хорошо помнитъ, былъ ли тамъ бундовецъ, или нѣтъ, противъ какого имени и кто ставилъ вопросительный знакъ, — забылъ онъ только мелочь, забылъ, *чье* именно имя онъ не хотѣлъ произнести на съѣздѣ, чтобы не „повредить политической репутаціи названнаго“, забылъ, перепуталъ и... назвалъ въ печати то, что забылъ.

Гдѣ же тутъ ложь, гдѣ клевета, здѣсь только „факты неправильнаго сообщенія *и ничего больше*“, а кому изъ насъ не приходилось дѣлать „заявленія, *не соотвѣтствующія дѣйствительности*“? Гдѣ тотъ, который никогда не грѣшилъ противъ истины? Посмотрите, самъ Мартовъ...

И такими благоглупостями два делегата второго съѣзда спасаютъ престижъ... Гусева! Мартовъ, говорятъ они, „приписываетъ Гусеву дурные мотивы“, ибо онъ говоритъ, что Гусевъ дѣйствовалъ „въ интересахъ фракціонной борьбы“, другими словами, Гусевъ, вѣря въ положительную роль своей фракціи, хотѣлъ такимъ образомъ принести пользу партіи. Найдите, товарищи, возможность объяснить поведеніе Гусева болѣе хорошими мотивами!

Нѣтъ! до такой степени „небрежности и неразборчивости“, до которой дошли Лядовъ и Горинъ, еще кажется, никто не доходилъ. А вѣдь количество переходитъ въ качество...

Товарищи! Атмосферу, которая не позволяетъ намъ сколько нибудь *объективно* смотрѣть на все, *происходящее въ нашей средѣ*, надо оздоровить, разсѣять, надо уничтожить эту атмосферу взаимнаго недовѣрія, искусственно раздѣляющую нашу партію на двѣ части. И политическое преступленіе дѣлаютъ тѣ, которые сгущаютъ эту атмосферу, подобно двумъ делегатамъ второго съѣзда.

В. И. Червинскій.

28 апрѣля 1904 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

РЕЗОЛЮЦЯ ТОВАРИЩЕСКАГО ТРЕТЕЙСКАГО СУДА.

Резолюція товарищескаго третейскаго суда, состоявшагося въ . . . . . 19 февраля (3 марта) 1904 г. по обвиненію тов. Дейчемъ тов. Гусева въ умышленной клеветѣ и въ распространеніи имъ — Гусевымъ — завѣдомо ложныхъ слуховъ, съ цѣлью опорочить политическую репутацію тов. Дейча.

Девятнадцатаго февраля (3 марта) 1904 г. состоялся въ . . . . товарищескій третейскій судъ въ составѣ товарищей . . . . . (слѣдуютъ имена трехъ судей) по обвиненію тов. Дейчемъ тов. Гусева въ умышленной клеветѣ и въ распространеніи имъ — Гусевымъ — завѣдомо ложныхъ слуховъ, съ цѣлью опорочить политическую репутацію тов. Дейча. На судѣ, при разборѣ дѣла присутствовали, кромѣ товарищей Дейча и Гусева, также товарищи . . . . . .(слѣдуютъ имена пяти товарищей изъ числа мѣстныхъ членовъ Партіи и четырехъ свидѣтелей).

Обстоятельства дѣла слѣдующія:

Въ недавно изданной брошюрѣ тов. Павловича, озаглавленной: „Письмо къ товарищамъ о второмъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П.“ на стр. 12 въ выноскѣ напечатано: „Среди делегатовъ съѣзда циркулируетъ списокъ, составленный изъ излюбленныхъ лицъ меньшинства... Тов. Мартовъ въ то время еще находилъ этотъ списокъ „позорнымъ“, а на съѣздѣ Лиги утверждалъ, что этотъ списокъ фальшивый. Фактъ тотъ, что тов. Дейчъ является въ дѣлѣ этого списка „первоисточникомъ. Онъ передалъ его одному изъ делегатовъ „большинства“, тов. Гусеву... Въ этомъ спискѣ были: Штейнъ, Егоровъ, Поповъ, Троцкій, Ѳоминъ.“

Узнавъ объ этомъ сообщеніи, тов. Дейчъ, считая себя совершенно непричастнымъ къ этому списку, встрѣтившись съ тов. Гусевымъ, заявилъ послѣднему въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, что сообщеніе, сдѣланное въ брошюрѣ Павловича, очевидное недоразумѣніе, ибо онъ — Дейчъ — никакого списка Гусеву не передавалъ, но въ отвѣтъ на это тов. Гусевъ заявилъ, что Дейчъ, дѣйствительно, передалъ ему этотъ списокъ, что, между прочимъ, по словамъ Гусева, могъ бы потвердить содержащійся въ настоящее время въ тюрьмѣ тов. Г.

Такъ какъ посредничество тов. Р., который по просьбѣ тов. Дейча, велъ переговоры между обѣими сторонами, ни къ чему не привело, и тов. Гусевъ продолжалъ утверждать, что упомянутый въ брошюрѣ Павловича списокъ, дѣйствительно, былъ имъ — Гусевымъ — полученъ отъ Дейча, то, по требованію тов. Дейча и съ согласія тов. Гусева, дѣло было перенесено на рѣшеніе товарищескаго третейскаго суда, въ составѣ и присутствіи вышеуказанныхъ лицъ. На судѣ тов. Гусевъ въ самомъ началѣ заявилъ, что онъ не считаетъ тов. Дейча первоисточникомъ этого списка и что объ этомъ онъ—Гусевъ — готовъ заявить въ видѣ письма на имя тов. Дейча, предоставляя при этомъ Дейчу право показать это письмо, кому онъ—Дейчъ—пожелаетъ, но что этотъ

списокъ былъ имъ все-таки полученъ отъ Дейча на одномъ изъ засѣданій съѣзда, дней за пять-семь до выборовъ въ Ц. К. На предложенный тов. Гусеву вопросъ, съ какой цѣлью Дейчъ передалъ ему этотъ списокъ,—тов. Гусевъ отвѣтилъ, что тов. Дейчъ, передавая ему этотъ списокъ кандидатовъ въ Ц. К., не сказалъ ему, для какой цѣли онъ ему этотъ списокъ передаетъ, и онъ — Гусевъ — не помнитъ, говорилъ ли при этомъ Дейчъ, вообще, что-нибудь. Про этотъ же списокъ знаетъ и бывшій делегатъ (. . . . . ск го комитета) тов. Г., который сообщилъ объ этомъ ему — Гусеву — когда они оба возвращались со съѣзда. Этотъ же списокъ онъ — Гусевъ лично видѣлъ у тов. Царева, который сдѣлалъ на немъ помѣтки карандашемъ, ставя противъ фамилій однихъ кандидатовъ — плюсы, противъ другихъ — минусы, а противъ фамиліи тов. Штейнъ — знакъ вопросительный. — Спрошенный въ качествѣ свидѣтеля, тов. Плехановъ заявилъ, что упомянутый въ брошюрѣ Павловича списокъ ему показалъ на съѣздѣ тов. Ленинъ. Ленинъ показалъ ему этотъ списокъ не какъ предсѣдателю, а какъ частному лицу; послѣ этого списокъ былъ уничтоженъ. Списокъ вызвалъ среди делегатовъ съѣзда большой шумъ, но ни во время самого съѣзда, ни все время спустя послѣ съѣзда онъ—Плехановъ — ни отъ кого не слышалъ, чтобы авторомъ этого письма былъ Дейчъ. Многіе изъ делегатовъ изъ „большинства“ говорили, что списокъ исходитъ изъ „меньшинства“, но имя Дейча при этомъ никогда не упоминалось. Далѣе свидѣтель показалъ, что во время одного изъ частныхъ засѣданій „большинства“, нѣсколько делегатовъ изъ „меньшинства“, въ томъ числѣ и тов. Дейчъ, обращались съ требованіемъ быть допущенными на это засѣданіе, такъ какъ они желаютъ объясниться по поводу циркулировавшаго на съѣздѣ списка и заявить, что этотъ списокъ отъ „меньшинства“ не исходитъ. Но и Дейчу и его товарищамъ отвѣтили письменно за подписью Плеханова и Ленина, что ихъ заявленію вѣрятъ и считаютъ инцидентъ законченнымъ.

Тов. Ленскій показалъ, что объ этомъ спискѣ онъ узналъ отъ Ле ина за пару дней до выборовъ въ Ц. К., и тогда онъ сообщилъ тов. Дейчу, когда они оба вмѣстѣ пошли на засѣданіе съѣзда. Судя по впечатлѣнію, которое это сообщеніе произвело на Дейча, Ленскій увѣренъ, что Дейчъ тогда только впервые отъ него именно — Ленскаго — узналъ о существованіи этого списка, при чемъ, встрѣтившись съ Мартовымъ и Старовѣромъ, Дейчъ съ крайнимъ раздраженіемъ въ голосѣ разсказалъ имъ, что „меньшинству“ приписываютъ этотъ списокъ. Свидѣтель, живя почти до послѣдняго времени въ Женевѣ, также не слышалъ, чтобы кто-нибудь назвалъ авторомъ этого списка тов. Дейча. Встрѣчаясь неоднократно съ Гусевымъ, свидѣтель, однако, не замѣчалъ, чтобы между Гусевымъ и Дейчемъ существовали близкія отношенія, чтобы Дейчъ и Гусевъ гдѣ либо вмѣстѣ бывали внѣ оффиціальныхъ засѣданій съѣзда.

Тов. Штейнъ показалъ, что меньшинство, въ составъ котораго входилъ и Дейчъ, не давало послѣднему никакихъ порученій распространить списокъ кандидатовъ въ Ц. К. Упомянутый въ брошюрѣ Павловича списокъ, вообще, не могъ исходить отъ Дейча, такъ какъ фигурировавшее въ этомъ спискѣ имя тов. Егорова могло только повредить интересамъ „меньшинства“.

Тов. Бѣловъ показалъ, что онъ былъ въ добрыхъ товарищескихъ отношеніяхъ съ Дейчемъ, который дѣлился съ нимъ сво-

ими впечатлѣніями по поводу работъ съѣзда, и если бы Дейчъ велъ какую-либо агитацію за тотъ или другой списокъ, то онъ сообщилъ бы объ этомъ и Бѣлову. О циркулировавшемъ на съѣздѣ спискѣ Бѣловъ узналъ, частнымъ образомъ, дня за два до окончанія съѣзда, встрѣтившись съ т. т. Егоровымъ, Поповымъ и делегатами харьковскаго комитета. При этомъ Егоровъ выразилъ удивленіе по поводу того, что его имя помѣщено въ спискѣ кандидатовъ въ Ц. К. такъ какъ, по его — Егорова — мнѣнію, его кандидатура не могла бы встрѣтить сочувствія среди делегатовъ на съѣздѣ, какъ большинства, такъ и меньшинства. Кромѣ того, всѣ свидѣтели единодушно показали, что Дейчъ на съѣздѣ не велъ никакой агитаціи въ пользу тѣхъ или другихъ кандидатовъ въ Ц. К.

Послѣ допроса свидѣтелей тов. Гусевъ заявилъ, что судъ его не совсѣмъ понялъ, ибо, говоря о спискѣ, онъ — Гусевъ — подъ этимъ словомъ не подразумѣвалъ матеріальный списокъ, составленный на бумагѣ, и при этомъ тов. Гусевъ объяснилъ, что подобнаго списка Дейчъ ему дѣйствительно не передавалъ, но на одномъ засѣданіи съѣзда, когда онъ и Дейчъ сидѣли рядомъ или недалеко другъ отъ друга, Дейчъ устно перечислилъ имена лицъ, упомянутыхъ въ этомъ спискѣ, не сказавъ ему при этомъ, для какой цѣли онъ — Дейчъ — это дѣлаетъ, а ограничившись однимъ только голымъ перечисленіемъ.

Тов. Гусевъ отказался также отъ третьяго своего категорическаго заявленія, что онъ не считаетъ Дейча первоисточникомъ этого списка. Дейчъ могъ быть таковымъ, могъ и не быть. Тов. Г., какъ и теперь заявилъ Гусевъ, также этого списка у Дейча не видѣлъ, но слышалъ только отъ Дейча перечень упомянутыхъ именъ. На предложенный судомъ вопросъ, откуда взялъ Царевъ тотъ списокъ, о которомъ въ началѣ своихъ показаній онъ — Гусевъ — говорилъ, тов. Гусевъ отвѣтилъ, что этотъ списокъ былъ написанъ имъ самимъ — Гусевымъ — послѣ того, какъ Дейчъ перечислилъ содержащіяся въ этомъ спискѣ имена. Онъ же — Гусевъ — сообщилъ Павловичу, что Дейчъ передалъ ему этотъ списокъ. Послѣднее сообщеніе Гусевъ сдѣлалъ Павловичу наканунѣ своего отъѣзда изъ Женевы, т. е. черезъ четыре мѣсяца послѣ упомянутаго засѣданія съѣзда.

На съѣздѣ же онъ — Гусевъ — хотя лично слышалъ, какъ Мартовъ и Старовѣръ, крайне возмущенные, требовали, чтобы былъ названъ авторъ списка, но не считалъ нужнымъ указать на Дейча, такъ какъ не хотѣлъ повредить политической репутаціи послѣдняго. Тов. Гусевъ потвердилъ также показанія свидѣтелей, что онъ и Дейчъ не были между собою близко знакомы и нигдѣ вмѣстѣ не бывали, кромѣ какъ на оффиціальныхъ засѣданіяхъ съѣзда, а къ тому времени, когда засѣданія съѣзда возобновились послѣ перерыва, Дейчъ пересталъ съ нимъ даже раскланиваться, въ чемъ Гусевъ усмотрѣлъ подчиненіе со стороны Дейча паролю „меньшинства“.

Тов. Дейчъ по этому поводу заявилъ, что подобнаго пароля не существовало, но онъ пересталъ раскланиваться съ Гусевымъ, будучи возмущенъ нѣкоторыми выраженіями, которыя тов. Гусевъ употребилъ въ своихъ рѣчахъ на съѣздѣ.

Выслушавъ обѣ стороны и допросивъ свидѣтелей, а также признавъ, что ссылка тов. Гусева на тов. Царева и Г., которые въ настоящее время находятся въ Россіи, несущественна, ибо от-

носительно тов. Царева самъ Гусевъ показалъ, что видѣнный имъ у перваго списокъ, упомянутый въ брошюрѣ Павловича, написанъ имъ самымъ—Гусевымъ — и, слѣдовательно, показанія Царева могли бы только потвердить виновность Гусева, а что касается Г., который также слышалъ отъ Дейча перечень тѣхъ же именъ, то свидѣтельство послѣдняго нисколько не разъясни о бы суду вопроса о томъ, правильно ли утвержденіе Гусева, что Дейчъ и ему сообщилъ перечень тѣхъ же именъ,

Товарищескій третейскій судъ призналъ:

I. что тов. Дейчъ, какъ это признаетъ и Гусевъ, никакого списка Гусеву не передавалъ, и принимая во вниманіе:

1) что тов. Дейчъ не имѣлъ ни личнаго, ни политическаго интереса составить или распространить подобный списокъ,

2) что Дейчу подобныхъ порученій никто не давалъ,

3) что Дейчъ не велъ никакой агитаціи въ пользу тѣхъ или другихъ кандидатовъ въ Ц. К.,

4) что личныя отношенія между Дейчемъ и Гусевымъ были такого рода, что исключали возможность особаго сообщенія со стороны Дейча Гусеву, и, наконецъ,

5) принимая во вниманіе ту обстановку, при которой Дейчъ, по словамъ Гусева, перечислилъ ему пять именъ, фигурировавшихъ впослѣдствіи въ спискѣ, товарищескій третейскій судъ пришелъ къ заключенію:

II. что тов. Дейчъ и устно не могъ сообщить, а слѣдовательно, не сообщилъ тов. Гусеву имена кандидатовъ, содержащихся въ спискѣ, указанномъ въ брошюрѣ Павловича,

III. что сообщеніе Гусева Павловичу, будто Дейчъ передалъ ему — Гусеву — списокъ, лишено всякаго основанія.

Настоящую резолюцію судъ постановилъ сообщить товарищамъ: 1) Дейчу, 2) Гусеву и 3) Ц. К. Имѣя же въ виду, что сообщеніе, сдѣланное тов. Гусевымъ Павловичу. предано послѣднимъ гласности и можетъ скомпрометировать политическую репутацію тов. Дейча, судъ постановилъ сообщить настоящую резолюцію редакціи „Искры“ въ цѣляхъ опроверженія неправильнаго сообщенія.

2 (15) марта 1904 г.

(Слѣдуютъ подписи).

Къ этому постановленію будетъ нелишнимъ прибавить нѣсколько словъ:

Члены „меньшинства“ на съѣздѣ услыхали о пущенномъ отъ ихъ имени спискѣ въ очень неопредѣленной формѣ, при чемъ въ числѣ мнимыхъ кандидатовъ назывался одинъ товарищъ изъ делегаціи „Бунда“. Предположивъ, что такой списокъ приписывается съ цѣлью вызвать подозрѣніе, что „меньшинство“ за спиной съѣзда — заключаетъ какія-то соглашенія съ представителями „Бунда“ (что, при данныхъ условіяхъ, явилось бы грубой безтактностью), мы заявили товарищамъ рѣшительный протестъ противъ „распространенія позорящихъ слуховъ“ и требовали представленія подлинника этого списка. Списка не оказалось, а т. Ленинъ и другіе товарищи словесно заявили намъ, что достаточно нашего заявленія, чтобы считать этотъ эпизодъ исчерпаннымъ. — Если списокъ заключалъ въ себѣ тѣ имена, которыя значатся въ книжкѣ Павловича, то въ немъ не было ничего „позорящаго“, отчего,

однако, фактъ его поддѣлки въ интересахъ фракціонной борьбы не дѣлается менѣе позорнымъ.

Послѣ заявленія тов. Ленина мы считали фиктивный списокъ навсегда исчезнувшимъ. Онъ, однако, снова всплылъ на съѣздѣ Лиги, когда тов. Ленинъ, заявилъ, что „лучшимъ средствомъ агитаціи“ на съѣздѣ Партіи противъ „мартовцевъ“ были ихъ собственные списки“. Такъ какъ другихъ какихъ либо списковъ не было даже поддѣлано, то пришлось мнѣ заявить, что списокъ былъ „фальшивый“. Тогда (черезъ три мѣсяца) Павловичъ счелъ возможнымъ впервые указать въ своей брошюрѣ, откуда взялся списокъ и назвать Л. Г. Дейча.

Въ результатѣ — тотъ третейскій судъ, единогласное постановленіе котораго выше напечатано.

Мы надѣемся, что данныя, раскрытыя этимъ судомъ, будутъ содѣйствовать оздоровленію той атмосферы, которая начала образовываться въ Партіи въ результатѣ конфликтовъ, порожденныхъ событіями на съѣздѣ. Всякія могутъ быть у насъ разногласія, — но по вопросу объ *этическихъ* принципахъ, которыми долженъ руководиться соціалистъ въ своихъ отношеніяхъ къ Партіи и къ товарищамъ, — объ этомъ двухъ мнѣній быть не можетъ. И нѣтъ тѣхъ рѣшительныхъ мѣръ, которыя были бы слишкомъ рѣшительны въ дѣлѣ врачеванія *такихъ* язвъ на партійномъ организмѣ.

Л. МАРТОВЪ.

Женева, май 1904 г.